

Десять дней во Франции

Category: Kitapcy, Ýol ýazgylary

написано kitapcy | 23 января, 2025

Десять дней во Франции ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ВО ФРАНЦИИ

Все дни, проведенные нами во Франции, она была рядом — хрупкая девушка Марион. В простеньком платье, веселая, общительная, Марион Дилиминисис — наш гид. 20-летняя студентка университета, довольно не плохо говорит по-русски. Она сопровождает уже не первую группу туристов из Советского Союза: незадолго до нашего приезда была гидом молодежной делегации прибалтийских республик.

И вот — новое знакомство, на этот раз с делегацией, состоящей в основном из уроженцев Советского Туркменистана. В состав молодежной группы, возглавляемой секретарем ЦК ЛКСМТ Байрамом Союновым, входило 26 туристов. С любопытством повторяла Марион непривычные по звучанию имена ровесниц — Бахтыгюль Казиевой, Ширин Мусапуровой.

— Мы из города Ташауза, работаем на швейной фабрике — поясняли ей мои землячки. — А вот Таня Никифорова и Люда Знаменщикова — из нашей столицы, Ашхабада. На чулочно-трикотажной фабрике работают.

Марион улыбнулась: слово Ашхабад ей знакомо.

Без Марион, которая прекрасно ориентируется в Париже, мы не могли бы и шагу ступить. Она — из тех людей, которые сразу вызывают симпатию с которыми моментально найдешь общий язык. Помнится, у Иры Яковлевой был день рождения, и мы собрались все вместе. Марион была душой нашей группы. Оказалось, она знает много советских песен. Разные песни звучали тогда. Не обошлось, конечно, без «Катюши», которую во Франции повсеместно знают и любят. В тот вечер Марион живо интересовалась жизнью нашей страны и республики. Мы охотно рассказывали ей о мастерах культуры Советского Туркменистана, о наших любимых поэтах и писателях. Я говорил о творчестве Махтумкули, о родной природе, о субтропиках Сумбара, где

провел детство. Прочел несколько своих стихотворений и подарил на память газету «Комсомолец Туркменистана», в которой напечатаны.

В один из последних дней нашего пребывания во Франции Марион пригласила всех нас к себе домой. Она снимает небольшую комнатку в одном из рабочих кварталов Парижа. Комнатка оказалось тесноватой для нашей большой ватаги. Но в тесноте – не в обиде. Мы слушали пластинки. Захватывало дух, когда звучала здесь, далеко-далеко от Родины, песня из кинофильма «Белорусский вокзал».

Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,
Десятый наш десантный батальон...

Здесь, в Париже, знакомые слова песни показались наполненными особым, глубоким смыслом. Мы были горды за нашу великую Родину, за наш народ, который смог выстоять и победить фашизм, избавить от порабощения народы Европы.

* * *

Орадур. Само это слово звучит как набат. Орадур – имя небольшой деревушки во Франции, где во время войны жило около семисот человек. У шоссе – щит с надписью: «Просьба соблюдать тишину». Но и без того здесь стоит мертвая тишина. Шумный народ – туристы, подъезжая к деревеньке, без всяких напоминаний начинает говорить вполголоса, а с лиц сбегает улыбки. Здесь, в этой некогда безвестной деревушке, каждый камень напоминает об одной из самых страшных трагедий нашего века. Орадур – крохотную точку на карте планеты – знают все. Знают так же, как Лидице, как нашу Хатынь.

Десятого июня 1944 года фашисты уничтожили село и расстреляли его ни в чем повинных людей, всех до единого. Мужчин завели в огромный сарай, женщин в деревенскую церквушку. И началась пальба из автоматов. Слезы матерей, крики детей и стариков – ничто не остановили убийц. Чудом спаслись шесть человек – шесть из семисот жителей деревни.

Мы идем по безмолвным улицам. Здесь с того трагического дня все осталось нетронутым: оборванные телеграфные провода, поваленные столбы. На руинах домов – обгоревшие швейные машинки, остовы велосипедов и детских колясок, заржавевшие от времени кровати...

Кажется, само время остановилось в тот день. И сегодня Орадур безмолвен. Здесь никто не живет, это место останется навсегда безмолвным памятником жертвам фашизма. Орадур – призыв, обращенный ко всем людям земли: беречь мир, не дать разгореться новой войне.

Но нельзя убить жизнь, как нельзя остановить время. Рядом с испепеленной деревней выросла новая. Она так и называется – Новый Орадур. Оживает сожженная земля, на ней пошли в рост деревья, распустились цветы. И лишь надтреснутый колокол, сброшенный с церквушки в тот трагический день, звучит набатом, который слышен во всех уголках планеты.

Мы не забудем тебя, Орадур!

* * *

Как назло, на полдороге в Клермон-Ферран поломался наш автобус. Пока устраняли поломку, сгустились сумерки, начал моросить дождь. Неужели намеченная встреча не состоится? Мы с тревогой поглядывали на часы. Так и есть: двухчасовое опоздание!

Но нас ждали, никто из собравшихся не разошелся по домам. Члены местного филиала Общества франко-советской дружбы встретили нас в общежитии, построенном для молодых рабочих. Жители Клермон-Феррана – ТВ основные рабочие крупнейших французских заводов «Мишлен» и «Амизоль» – интересовались

буквально всем. Мы с удовольствием отвечали на самые разнообразные вопросы: о работе наших профсоюзных организаций, о системе учебы и условиях быта молодых рабочих в Советском Союзе.

Один из наших собеседников, Эдгар, член Французской коммунистической партии, сказал, что считал бы для себя большим счастьем побывать в Советском Союзе, в частности, в республиках Средней Азии. Мы подарили старому рабочему сувенирное издание «Ашхабад» и выразили надежду, что следующая встреча пройдет на туркменской земле.

Наш разговор затянулся надолго, продолжался он уже за полночь в доме коммуниста Роже Марка.

— Дружба, культурные связи — добрая традиция наших народов, — говорили нам новые друзья. — мы с радостью восприняли известие о том, что с визитом в нашей стране побывает Леонид Ильич Брежнев. Рабочая Франция говорит посланцу Страны Советов: добро пожаловать!

* * *

Мы прощаемся с Францией. Ил-62 поднимается над французской столицей. С высоты птичьего полета любуемся величественными зданиями, парками, площадями. Красив Париж — об этом

тысячекратно говорили все, кто побывал здесь. Но не менее прекрасны сердца жителей французской – столицы – людей трудолюбивых, гостеприимных и радушных.

Аллаяр ЧУРИЕВ.

«Туркменская искра», 23.01. 1977 год. Ýol ýazgylary